

Кон Лидия
Константиновна

7.12.95

Русская жизнь. — Творчество. — 1995
РУССКИЕ СУДЬБЫ

Лидия Константиновна Кон

7-13 окт. — с. 19.

1 августа 1995 года от нас ушла Лидия Константиновна Кон. Она скончалась в доме для престарелых на Фагерборге в норвежской столице Осло.

Она была из харбинских русских. «И почему русские родители здесь не учат своих детей русскому языку? У харбинцев дети всегда знали родную речь родителей».

В Харбин она попала из Хабаровска, из своего родного города, вместе с родителями и маленьким братишкой. Братишка умер совсем маленьким уже в Харбине на руках у Лиды. Отец был коммивояжером и ездил в Китай по делам еще до большевиков. И в Харбин они не бежали, а поехали потому, что папу туда послали работать.

Из Харбина отца послали в командировку в большевистскую Россию, а большевики его схватили и посадили в тюрьму. Из тюрьмы удалось бежать. Но, пройдя через леса и болота, оказавшись у самой границы, он был пойман снова. Они вставили ему кляп в рот и утопили в реке.

Отец был родом из средней полосы России. Мать была рижская немка и перешла в православие, когда вышла замуж, — иначе не повенчали бы протестантку с православным. Мама и бабушка дома между собой говорили по-немецки, а когда не хотели, чтобы дети их понимали, то переходили на латышский.

До самой смерти помнила Лида детскую немецкую молитву, которой научила ее бабушка, и повторяла ее, когда становилось совсем тяжело. Бабушка умерла в Шанхае. После захвата Шанхая маодзедуновцами мать получила беженский паспорт и была направлена в Норвегию. Здесь, на Хельгёйа (остров Святых), она и провела двадцать последних лет жизни в доме для престарелых русских, который основал бывший тогда священником в русской церкви о.Ферапонт. Там же, на кладбище у церкви, мать и была похоронена. А на месте дома престарелых сначала устроили дом для наркоманов и алкоголиков, а теперь и вовсе нет никакого дома, только норвежская протестантская церквушка да кладбище.

В десять лет Лидия начала учиться балету у преподавателя Мищенко, а с четырнадцати она уже танцевала в театре. У нее был очень высокий и легкий прыжок, и поэтому ей часто поручали роли мальчиков.

В Шанхай она переехала вместе с театром, в котором служила. Она танцевала русский боярский танец, ставший очень популярным. Позже, в 1961 году, будучи гостем Московской Патриархии, поклонилась она Патриарху русским боярским поклоном из этого танца.

Она не вмешивалась в политику. Она дарила свое искусство всем.

Она была хороша, как ангел. Ее фотографиями фотографы обклеивали свои витрины. Как-то раз бабушка, придя домой, сказала: «У нас вся улица увешана Лидочкиными фотографиями».

В Шанхае же она и познакомилась со своим будущим мужем. Он был на 12 лет старше ее, у него было пятеро детей от первого брака. Он был известный врач, еврей, свободно говоривший на семи языках — английском, немецком, французском, японском, китайском, иврите, русском. Он родился в Европе, но вырос в Японии, а потом работал в Китае. В японско-китайскую войну он многих спас именно поэтому. Самого его однажды арестовали. Лидия Константиновна день и ночь молилась, и его выпустили, не убили.

Они отмечали все русские и все еврейские праздники. Однажды на русскую Пасху пришли к ним раввины. А

у евреев тогда пост был. Она их стала крашеными яйцами угощать. А они отказываются. Но самый главный их раввин взял яйцо и сказал: «Ведь это курочка снесла яйцо, отчего же не съесть?» И съел.

Один раз она очень серьезно заболела. Врачи ничего не могли сделать, даже муж ее отчаялся ей помочь. Она ничего не могла есть, не могла пить. К ней никого не пускали. И вдруг испуганная медсестра говорит: «Владыка Иоанн». Пришел Иоанн Шанхайский и сказал ей: «Вот тебе кусочек просфоры, ты съешь, а я помолюсь за тебя». Она думала: «Как же это я съем, ведь я же ничего не могу проглотить, но и послушаться нельзя — владыка говорит». И она съела. А он стал перед ее кроватью на колени и стал молиться. Помолвившись, благословил ее и ушел. А она стала поправляться. И совсем выздоровела.

В 1961 году она была гостем Московской Патриархии. «Меня возили в Псково-Печерскую лавру, в Новгород, в Киев». Тогда все у нее дома было хорошо: муж, мама, все живы и здоровы. А рядом с ней монах сидит и говорит: «Мне так хочется плакать, когда я на тебя смотрю. Столько тебе горя предстоит вынести! А пока поешь нашего киевского пирожка».

В 1973 году они с мужем оказались в Гонконге, у них уже почти готовы были выездные визы. Но китайцы не хотели отпускать ее мужа. Все знали доктора Кона, все хотели, чтобы он у них остался и их лечил. Но в мае он умер от рака у нее на руках. А совсем вскоре после этого, в том же году, не стало мамы. Она похоронила мужа и отправилась в Норвегию, где жила мама. Лидии Константиновне было 60 лет, когда она приехала в эту северную страну. Похоронила маму и осталась одна-одинешенька среди чужих людей, не понимая их языка.

Она стала жить в г.Хамаре, неподалеку от могилы матери. И организовала балетную школу. Ей было 60 лет.

«Дети норвежские никогда балета не видели. Я норвежского языка не знаю. Все им показывай в полную силу: и grand-plié, и grand battement, и jeté... Вот теперь и расплачиваюсь большими ногами».

Она с детьми дала несколько представлений. Сама их учила, сама номера составляла, сама их ставила. Со всем одна в чужой стране, без какой бы то ни было материальной или моральной поддержки, сумела она воспитать четырех профессиональных балетных танцовщиков. Один из ее учеников сейчас танцует в Норвежском национальном балете, другая — в Нью-Йорке.

Переехала она в Осло только потому, что здесь была православная церковь. Нашла квартиру, миниатюрную, из одной комнатки, часть которой занимала крохотная кухонька. Но зато на той же улице, что и церковь. Отец Ферапонт постарел, с ним она только по телефону и могла говорить.

«Не ной. Тебе надо испытать все, что тебе выпало на долю», — любила она повторять. Она молилась св.Ксении и св.Николаю. Иконку св.Николая подарил ей заезжий священник из Мурманска, пока она сидела у лестницы в церкви на Маюстое.

И вот теперь нельзя уже больше просто набрать номер и сказать: «Здравствуйте, Лидия Константиновна, как вы поживаете? Можно, я к вам приду?» И от этого очень грустно.

В октябре прошлого года ей исполнилось 80 лет. Этот юбилей прошел незамеченным для норвежской прессы и вообще для норвежского общества. Не было ни тостов, ни дифирамбов, ни концертов, ни книг... А может быть, книги еще будут написаны?

Лидия Константиновна прожила большую и полную событий жизнь и пронесла чистое сердце и живой интерес ко всем и всему, что ее окружало до самого последнего дыхания. Она похоронена там же, где и ее мама, на острове Святых, или по-норвежски, на Хельгёйа.

Пусть земля ей будет пухом.

ЗОЯ НИКОЛЬСКАЯ

Осло